

УДК 94(470)«16/18»

МУРТАЗЕКИ – ВОИНСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ШАМИЛЯ

Ю.У. Дадаев,
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

dadaevyusup@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается возникновение и использование отрядов муртазек в государстве Шамиля. Муртазеки – это наемные воины, которые составляли гвардию Шамиля. Они подразделяются на десятки и пятисотни. Каждая из этих частей имеет своего начальника. В статье показаны их место и роль в военных формированиях государства Имамат. Приведены документы о времени их возникновения и функционирования с начала 1832 по 1859 гг. Анализ известного сочинения Гасанилава Гимринского дает нам возможность предположить, что наемные воины впервые появились при имаме Газимухаммаде. О возникновении и функционировании наемного военного института муртазек до вступления Шамиля в должность имама в 1834 г. свидетельствуют показания Мухаммед Тахира аль-Карахи, содержащиеся в его хронике – в главе «О назначении Хамзата халифом и разъяснение о его битвах». Возникновение постоянного военного института муртазек совпадает с периодом возникновения института наибов у первых имамов Газимухаммада и Гамзатбека.

Abstract: The article deals with the rise and use of murtazek troops in Shamil's state. Murtazeks were mercenary soldiers of Shamil's guard. They were divided into dozens and five hundreds. Each unit had its own commanding officer. The article shows their place and role in the military commands of the Imamate. The author presents the documents concerning the time of their rise and functioning from the beginning of 1832 up to 1859. The analysis of the well-known work by Gasanilav Gimrinsky allows to assume that the mercenary soldiers first appeared during the time of Imam Gazimuhhammad. The fact that mercenary military institute of murtazeks had appeared and functioned before Imam Shamil came into office in 1834 is evidenced by Muhammed Tahir al-Karahi's chronicle in the chapter "On the appointment of Khamzat as a caliph and explanation of his battles". The rise of the permanent military institute of murtazeks coincides with the period of formation of the institute of naibs of the first imams Gazimuhhammad and Gamzatbek.

Ключевые слова: Муртазеки, Шамиль, гвардия Шамиля, имамат, отряд, десятичники, пятисотни.

Keywords: murtazeks, Shamil, Shamil's guard, Imamate, troops, foremen, five hundreds.

Возникновение и использование института муртазек в государстве Шамиля, в отличие от всех существовавших в Дагестане до этого воинских формирований, имеет важное значение для исторической науки. В то время, а возможно, и раньше на территории Дагестана не было постоянных войск и воинских организаций, за исключением небольших феодальных дружин. У владетельных ханов, князей, их сообществ, союзов вольных общин и джамаатов, как правило, также не было постоянного войска и воинских формирований. Поэтому определенный научный интерес у многих исследователей-кавказоведов вызывают вопросы возникновения, становления и порядок функционирования воинских формирований и военных организаций в первой половине XIX в. на Северо-Восточном Кавказе, прежде всего, в Дагестане и Чечне, где происходило большинство военных сражений между царскими войсками и горцами. Возникновение новых военных формирований в государстве Имамат было, естественно, объективным процессом его становления и развития. Это было вызвано, прежде всего, внешними причинами, в числе которых основную роль играли активные действия многотысячной российской военной машины на Кавказе с начала XIX в.

Анализ исторических сочинений, архивных документов и собранных полевых материалов свидетельствует, что предшественники Шамиля Газимухаммад и Гамзатбек и их сподвижники из-

за военной и политической необходимости приступили к созданию постоянных воинских формирований – отрядов муртазек. Имам Шамиль сумел в дальнейшем на территории Дагестана и Чечни не только создать их, но также развивать, совершенствовать и унифицировать функции отрядов муртазек как важнейшей структуры постоянной профессиональной армии своего государства.

Муртазеки – правильно: «муртизикатун» в переводе с арабского – «избранный», «обеспеченный» или «наемный воин». Кроме этой формы встречаются в документах «муртазикаты», «муртазигаты» и «муртазигаторы». «Муртазек» может быть переведен как «солдат, получающий свой паек», в отличие от бойца ополчения, питающегося тем, что он захватил из дома. «Муртазикаты» – множественное число от «муртазек».

Анализ известного сочинения Гасанилава Гимринского дает нам возможность предположить, что наемные воины впервые появились при имаме Газимухаммаде.

О возникновении и функционировании наемного военного института муртазек до вступления Шамиля в должность имама в 1834 г. свидетельствуют показания Мухаммед Тахира аль-Карахи, содержащиеся в его хронике – в главе «О назначении Хамзата халифом и разъяснение о его битвах». О том, что в период имаматства Гамзатбека существовали отряды наемных воинов-муртазек и частью из них командовал Шамиль, свидетельствует первое упоминание о муртазеках, содержащееся в хронике Мухаммед Тахира. Отряды муртазек существовали не только под непосредственным руководством самих имамов, но также и под руководством отдельных наибов – сподвижников, помощников Газимухаммада, Гамзатбека.

К сентябрю 1834 г., когда Шамиль был избран имамом, уже существовали отдельные отряды наемных воинов-муртазек, которые исполняли самые разные воинские, политические и социальные функции в создаваемой сложной военно-административной структуре Имамата. Отряды муртазек широко использовались как против царских войск, так и против дружин и милицейских отрядов местных владетелей, выступавших вместе с ними. Они широко применялись и для расширения зоны действия, привлечения на свою сторону и объединения различных обществ, сельских общин, джамаатов Дагестана в борьбе за национальную свободу и независимость. В 1836 г. Шамиль уже приступил к строительству и внедрению четкой системы формирования и использования отрядов муртазек в своем государстве (Отношение борона Розена к гр. Чернышеву от 5 октября 1836. № 1098. С. 607).

Возникновение постоянного военного института муртазек совпадает с периодом возникновения института наибов у первых имамов Газимухаммада и Гамзатбека. Весьма вероятно, что Шамиль и Гамзатбек, бывшие первыми помощниками-наибомы Газимухаммада, имели в своем подчинении десятки наемных воинов из числа близких родственников и близких друзей, односельчан, а также из числа приезжих из других аулов Дагестана. Эти дружины, вероятнее всего, стали первоначальной основой для создания регулярной, постоянной профессиональной армии Имамата. Ее отряды формировались, прежде всего, в самих селлах, сельских общинах, где действовали наибы и помощники первого имама Газимухаммада. «Вооруженные силы Шамиля, – писал ген. Нейтгардт, – состояли из постоянных конных воинов и временно собираемых ополченцев. Первые именуется муртазикатами, число их в каждом участке соразмерно народонаселению... эти воины находятся в непосредственном ведении наиба, ... муртазикатов около 5 тыс., а временного ополчения до 48 тыс. человек» (Дневник полк. Руновского, состоящего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге с 1859 по 1862. С. 1477). По данным известного сподвижника Шамиля чеченца Юсуф Хаджи, в 40-х гг. XIX в. численность постоянных войск в государстве Шамиля доходила до 15 тыс. человек. Из них 5880 конных и 8870 пеших, всего 14750 (Карта горских народов подвластных Шамилу. 1872. С. 3–4). Поэтому данные царского генерала, вызывая определенные сомнения, в то же время могут служить важным фактором в деле определения численности армии Шамиля и ее основных родов войск от начала возникновения и до распада и уничтожения всей профессиональной армии Шамиля в 1859 г. под мощным натиском наступающих царских войск.

Одно из ранних известий о муртазеках Шамиля мы находим в письме Шамиля генерал-майору Клюки фон Клюгенау, адресованном 23 июля 1836 г., перевод которого сделан Р.Ш. Шарафутдиновой. В этом письме Шамиль отмечал: «Теперь же между мною и русским Государем [заключено] соглашение о примирении и мире, более полном и общем [на условиях] выдачи в аманаты сына моей сестры в руки Мухаммадмирзы-хана с тем, что они (русские. – Авт.) оставят в покое меня и все подвластные мне селения, а я оставлю в покое их и все селения, покорные русскому Государю, как это известно людям и [их] Творцу. Однако они нарушили это упомянутое

[соглашение] и [вознамерились] коварно обмануть меня так же, как и лицемеры прежде поступали вероломно и нападали на какой-либо из преданных нам аулов.

И вне сомнения, с помощью Аллаха всевышнего и с его поддержки я соберу все войска Ислама вплоть до Мусука (Мусук – к этому слову в русском переводе с арабского (РГВИА. Ф. 205. Д. 87. Л.26) имеется сноска, сделанная той же рукой, что и отметка наверху текста, которая гласит: «до мест покорных нам тушинцев, не исповедующих магометанской веры») (*Шарафутдинова Р.Ш.*, 2001. С. 109–113), как я уже собрал всех **муртазиков и других жителей соседних с Игали селений**» (*Шарафутдинова Р.Ш.*, 2001. С. 109–113) (подч. – Авт.).

Это письмо Шамиля показывает, что к 1836 году, т.е. через полтора года своего прихода к руководству имамом, Шамиль имел постоянные оплачиваемые из казны отряды профессиональных воинов во многих подконтрольных ему сельских обществах в самых различных уголках Дагестана.

Из этого сочинения видно, практика создания постоянных оплачиваемых военных отрядов, которые начали формироваться при первых имамах Газимухаммаде и Гамзатбеке, не только получила свое дальнейшее развитие в численном отношении, но также значительно расширилась их география. Теперь они формировались повсеместно вокруг ближайших помощников наибов имама и частично или полностью содержались за счет казны имама.

Подтверждение этому мы находим не только в сочинениях дагестанских авторов XIX века, но и в многочисленных работах русских офицеров, разведчиков, путешественников и писателей, посвятивших свои очерки отдельным эпизодам, сражениям и участникам Кавказской войны. Так, в источнике, опубликованном еще при жизни Шамиля, отмечается: «При мазунах находились муртазеки, набираемые по одному из десяти семейств. На войне они составляли отборную конницу и действовали отдельно, под командой своего мазуна. В другое время муртазеки были тайная полиция» (*Макаров Т.*, 1869. С. 285–286). В исторической литературе русскоязычного происхождения имеются многочисленные подтверждения о месте, роли, функциях муртазиков, о порядке их использования на территории Дагестана и Чечни Шамилем в разное время: во время сражений, передвижения войск, в мирное время и т.д.

В 1843 г. ген. Клюки фон Клюгенау отмечал: «Все общества, лежащие от Анди до Казикумухского ханства..., разделены им (Шамилем. – Авт.) на 6 наибств... Шамиль, желая иметь постоянно в готовности к действию часть горцев, учредил муртазиков или муртазиков... это некоторым образом постоянное войско набирается из каждых десяти семейств один всадник. Муртазикаты получали прежде жалованье по полтора руб. сер. в месяц. В настоящее же время они денежное содержание не получают, а жители должны им давать хлеб, баранов, продовольствовать их лошадями, обрабатывать их поля и снимать посевы» (Рапорт Ген.-М. Клюки фон Клюгенау ген.-адъют. Нейдгарту об управлении, введенном Шамилем на подвластной ему территории. С. 381–382). Это сообщение царского генерала подтверждает наше предположение о том, что отряды муртазиков существовали и возникли еще на начальном этапе возникновения и становления государственных структур Имамата в период руководства имамами Газимухаммада и Гамзатбека. Набор муртазиков осуществлялся из близкого окружения имама, а содержание их продовольствием, одеждой и обеспечением оружием и боеприпасами осуществлялись прямо из казны имама, созданной за счет различного рода поступлений в результате военных сражений. Когда возросло количество муртазиков, Шамиль приступил к организованному набору и обеспечению за счет всего подвластного ему населения. С одной стороны, это стало дополнительной нагрузкой для горского населения, но с другой стороны, приобрело всеобщий объединительный характер для всех граждан Имамата, а муртазеки «имеют хорошее довольствие, и требования их в деревнях иногда бывают громадны, а сверх того освобождены от домашних работ» (Рапорт Ген.-М. Клюки фон Клюгенау ген.-адъют. Нейдгарту об управлении, введенном Шамилем на подвластной ему территории. С. 381–382). В рапорте ген. Нейдгарта от 20 ноября 1843 г. сообщается: «По первому требованию Шамиля, наобы обязаны давать войско. Каждое семейство обязано выставить одного вооруженного пешего или конного по назначению, сделанному наибом, и снабдить его нужным провиантом. Над этими людьми назначены десятники, сотенные и пятисотенные начальники.

Обыкновенно набор муртазикат бывает с 10 дворов по одному конному или пешему, в крайних случаях ближайшие общества выступают поголовно, а из дальнейших – сколько может собираться в данное время. Осенью прошлого года (1842) приказано было всем лезгинам, способным носить оружие, завести по лошади; кто не имел на то денег, должен был продать часть земли или имущество, а в противном случае сажался в яму. Даже мальчикам приказано было

завести и носить оружие, чтобы привыкнуть к обращению с ним» (Из показания прапорщика Орбелиани, находившегося в 1842 году в плену у Шамиля, о системе управления в Имамате. С. 416). Таким образом, по свидетельству современников, Шамиль в короткое время мог «собрать около 20–30 тыс. конницы и пехоты, последняя составляет около 2/3 всей силы» (Из показания прапорщика Орбелиани, находившегося в 1842 году в плену у Шамиля, о системе управления в Имамате. С. 416).

Внук прославленного шамилевского наиба Нур-Мухаммеда Согратлинского, известный дагестанец Бахауддин Хурш в своей работе под названием «Ахульго», изданной в Праге в 1938 г. на русском языке, а затем переведенной на польский язык, отмечал, что перед началом сражения Шамиля с царскими войсками в конце мая 1839 г. «в двух верстах от аула Аргвани находился общий резерв под командованием Омар-Хаджи Согратлинского, в составе двух миат регулярной пехоты, **двух миат муртазек** (подч. – Авт.) и 100 чел. телетлинского пешего ополчения» (Бахаудин Х., 1996, С.40). К этому времени, как видно из сообщения автора, Шамиль формировал отряды муртазек по наибствам, разделяя их на сотни, пятисотни. Автор сочинения ничего не сообщает о тысячах (альф) и тысячниках, которые командовали муртазеками. Видимо, численность муртазек к 1839 г. была еще немногочисленной, не доходила до тысячи человек.

Муртазеки были элитным подразделением в военной структуре Имамата, они всегда оставались грозной силой для противника и самой преданной и надежной защитой для главы государства и его сподвижников. «Создание частей муртазек удачно разрешало двоякую задачу: во-первых, эти всадники с их высокой боеготовностью представляли собой значительную силу, способную не только противостоять русской армии, но и разбираться с внутренними врагами, не требуя дополнительной статьи расходов казны. Во-вторых, они образовали большую группу привилегированного, а значит, заинтересованного в сохранении имамского режима населения, на которую имам мог смело положиться в управлении своим непокорным народом» (Гаммер М., 1998, С. 310).

Первое время муртазеки не имели единого обмундирования. Каждый из них сам приобретал себе одежду за счет средств, полученных из казны Имамата, а также приобретал оружие, боеприпасы и другое необходимое имущество и снаряжение для выполнения функций наемного воина.

Со временем, а точнее, с начала 40-х гг. XIX в., Шамиль приступил к обеспечению муртазек единой формой. Может быть, к этому его подтолкнул опыт противника, ведь он видел прекрасно одетых русских воинов, своеобразную форму разных полков и родов войск русской армии. Исходя из скудных возможностей казны своего государства, Шамиль старался особо опекать муртазек, создавать им относительно хорошие условия жизни и быта.

Как видно из документов внутриимаматского происхождения, 2/3 заката, который взимался один раз в год с каждого вида имущества и должен был идти на нужды общины, должны были распределяться среди бедных и неимущих мусульман. В имамате, согласно низаму Шамиля, 2/3 шло на продовольствие «муртазекам» – наемникам, составляющим регулярные войска имама и наибов. Например, 31 января 1849 г. имам Шамиль писал своим наибам Нурмухаммаду, Муртазаали и Абдуллаху:

«От имама Шамиля его возлюбленным братьям Нурмухаммаду, Муртазаали и Абдуллаху – мир вам.

А затем. Вы должны доставить в крепость Чох закат, который находится у вас. Пора доставить, да и холод спал. И мир.

Среда, раби ал-аввал 1265 (31 января 1849 г.) (Омаров Х.О., 1997. С.46-47)».

В военных походах муртазеки имели с собой необходимый на неделю продовольственный запас. В отличие от русских солдат и казаков, «привязанных» всегда к походному котлу, они были более подвижны и сами обеспечивали себя продовольствием.

Муртазеки не смешивались с временными ополченцами, а всегда оставались в составе отдельных частей под начальством своих наибов. На содержание муртазек, своей стражи имам Шамиль собирал подать, которая называлась зякат и бралась из десятой части всего произведенного, кроме того, собирался хумс – пятая часть добычи, пленных, трофеев.

Начиная с 40-х гг. XIX в. Шамиль стремился к тому, чтобы у муртазек было достаточно добротное оружие (винтовка, сабля, кинжал, пистолет), надежный конь, а также единая форма одежды (бурка, черкеска, папахас чалмой). Он видел прекрасно одетое войско противника и старался по его примеру обмундировать хотя бы часть своей армии.

У муртазеков было особое обмундирование. Для этого имам приказал с каждого дома собрать по одному рублю серебром и три сабы (мерки) ячменя или кукурузы с тем, чтобы на вырученные средства муртазекам были сшиты черкески, а на папахи - зеленые чалмы. У муртазеков была своя форма из желтых черкесок и зеленых чалм. У начальников были черкески из черного сукна, чалмы также зеленые. Во время походов, вступая в сражения, муртазеки распевали священные гимны.

Сведения об отрядах муртазеков можно встретить в многочисленных сочинениях. Но большинство авторов о точной дате возникновения, порядке формирования, обеспечения и использования, о роли и месте в армии Шамиля отрядов муртазеков не имеют единого мнения, более того, встречаются крайне противоположные утверждения.

Данные о муртазеках мы находим в сочинениях таких видных исследователей, как Н.Ф. Дубровин (*Дубровин Н.Ф.*, 1896), А. Ржевуский (*Ржевуский А.* 1882. С. 228), К.И. Прушановский (*Прушановский К.И.*, 1902. Т. 23.), Н.А. Окольников (*Окольников Н.А.*, 1859), А. Зиссерман (*Зиссерман А.*), А. Юров (*Юров А.*), Т. Макаров (*Макаров Т.*, 1859), которые писали свои труды в XIX веке, когда были живы очевидцы событий Кавказской войны, в том числе имам Шамиль, многие его сподвижники, известные русские генералы, офицеры, солдаты царской армии, участвовавшие в Кавказской войне.

О муртазеках писали или в определенной степени затрагивали в своих трудах вопросы возникновения и функционирования профессиональной армии Шамиля, в том числе отряда муртазеков, и такие известные исследователи-кавказоведы XX и XXI вв., как Н.И. Покровский (*Покровский Н.И.*, 2000), Р.М. Магомедов (*Магомедов Р.М.*, 1991), В.Г. Гаджиев (*Гаджиев В.Г.*, 1974), М.М. Блиев (*Блиев М.М.*, 2004), М. Гаммер (*Гаммер М.*, 1998), Х.Х. Рамазанов (*Рамазанов Х.Х.*, 2004), Хаджи Мурад Доного (*Доного Х.М.*, М., 2005), А.Х. Рамазанов (*Рамазанов А.Х.*, 1999), Далхан Хожаев (*Хожаев Д.*, 1998).

Содержательные и конкретные данные о муртазеках можно получить в горах Дагестана и Чечни из памятников народного творчества и поэтической летописи Кавказской войны на родных языках народов Северо-Восточного Кавказа, из рассказов, преданий предков, народного фольклора, а также из еще неопубликованных рукописных памятников и арабоязычных документов, хранящихся в частных коллекциях жителей Дагестана и Чечни.

Большинство авторов, писавших о муртазеках в своих сочинениях, освещают те или иные вопросы их назначения, функционирования и использования имамом Шамилем и его наибами, а в историографии до сих пор нет ни одной полной и комплексной работы, в которой были бы всесторонне исследованы все стороны этого важнейшего военно-политического института государства Шамиля. Муртазеки в нем занимали особое положение. Это была привилегированная, особая часть армии Шамиля. Как подчеркивают все источники, «отряды муртазеков делились на десятки, сотни, пятисотни. Каждое из этих подразделений имело своего начальника» (Рапорт Ген.-М. Клюки фон Клюгенау ген.-адъют. Нейдгарту об управлении, введенном Шамилем на подвластной ему территории. С. 382).

Анализ опубликованных источников показывает, что возникновение института муртазеков было исторической необходимостью в тех условиях, когда началась национально-освободительная борьба под предводительством первых имамов Газимухаммада и Гамзатбека и когда начали формироваться ее основные цели и направления антифеодальной, антиколониальной направленности. Первые имамы в своей политике делали ставку на народные массы, на ее беднейшие слои, которые составляли значительный удельный вес среди всего населения. В них они видели реальную силу, посредством которой можно было добиться создания нового государства объединенных сельских общин, владений, разных этнических и социальных сословий с единой идеологией. Шамиль тоже четко придерживался этой стратегии. Первые русские исследователи, характеризуя ранний этап становления Имамата, прежде всего военно-политическую и гражданскую деятельность Шамиля, отмечали, что он «сознавал невозможность доставить выгоды богатому, имущему классу», «старается всеми средствами привлечь на свою сторону неимущую половину населения» (*Ржевуский А.*, 1882. Т. VI. С. 228). А. Ржевуский считал, что Шамиль и его предшественники имамы Газимухаммад и Гамзатбек стремились создать отряды наемных воинов (муртазеков) для того, чтобы поднять роль и место бедных слоев населения в обществе, придать «бедному классу» «некоторый вес» (*Ржевуский А.*, 1882. Т. VI. С. 228). Об этом же писал известный кавказовед Н.Ф. Дубровин, который считал, что «власть Шамиля могла расти» «от умения привязать к себе бедный класс народа» (*Дубровин Н.Ф.*, 1896. С. 208). Он утверждал, что Шамиль желал доставить выгоды низшему классу населения» и учредил особую форму дружины с названием «муртазеки» (*Дубровин Н.Ф.*, 1896. С. 208). Он также

утверждал, что воины той дружины состояли «из людей наиболее бедных и бездомных» (*Дубровин Н.Ф.*, 1896. С. 208). Следует отметить, что Н.Ф. Дубровин писал об институте муртазек и в других своих сочинениях, изданных ранее, в которых имеется ряд неточностей и недостоверных утверждений. Поэтому приведем подробно его мнение о муртазехах из другого сочинения. Н.Ф. Дубровин писал: «Главнейшею и, можно сказать, исключительною обязанностью наибо были дела воинские. Каждый из них должен был наблюдать за границею своего участка и оберегать его одинаково и днем и ночью, не взирая на то, находится ли его участок в безопасности или опасности от неприятельского вторжения. Для этого в помощь наibaм, исключительно только в одной Чечне, было учреждено особое сословие муртазек. Это были люди, посвятившие себя собственно караульной или кордонной службе и занимавшие караулы по всей границе немирной Чечни. За свою службу муртазеки получали первоначально по одному рублю и по десяти мер хлеба с каждых двадцати домов на человека. Впоследствии, с разорением жителей Чечни от непрерывной войны, Шамиль изменил плату муртазекам и они стали получать по одному рублю и по восемь мер хлеба с каждых двадцати домов.

В Дагестане же сословие муртазек не существовало вовсе» (*Дубровин Н.*, 1871. С. 472).

Последнее предположение о том, что «в Дагестане же сословие муртазек не существовало вовсе», не соответствует истине, как было доказано в начале главы. Н.Ф. Дубровин считает муртазек людьми, посвятившими себя «караульной службе» по охране границ Имамата, и что они были якобы только в Чечне. Эта точка зрения далеко не полная, хотя Дубровин не отрицает того обстоятельства, что муртазеки составляли основное ядро постоянной шамилевской армии (*Дубровин Н.Ф.*, 1896, С. 488–489). Институт муртазек, возникший, как было отмечено выше, в начале создания Имамата именно в Дагестане в период имаматства Газимухаммуда, продолжил дальнейшее развитие при Гамзатбеке и особенно при Шамиле. Это ясно видно из сочинений дагестанских ученых, создававших свои труды еще при жизни Шамиля, эти данные труды не были известны Н.Ф. Дубровину.

Кроме Н.Ф. Дубровина и другие русские исследователи, такие как: К.И. Прушановский, Т. Макаров, А. Юров, Н.А. Окольников, А. Зиссерман, капитан генерального штаба Неверовский – дают конкретные данные о муртазехах, хотя некоторые из них по-разному отмечали назначение муртазек. Так, к примеру, Т. Макаров писал: «При мазунах находились муртазеки, набираемые по одному из десяти семейств, на войне они составляли отборную конницу и действовали отдельно, под командой своего мазуна. В другое время муртазеки были «тайная полиция» (*Макаров Т.С.*, 285–286). Многие исследователи в оценке роли и места муртазек в Иمامате, в описании их функций и должностных обязанностей, которые возлагались на них Шамилем и его наibaми на местах, в ряде случаев расходятся. Одним из первых, кто писал о муртазехах, был капитан Генерального штаба Неверовский, который как разведчик собрал и передал командиру отдельного кавказского корпуса, командующему войсками в Северном и Нагорном Дагестане генерал-майору Ф.К. Клюки фон Клюгенау первые данные о муртазехах. В рапорте генерал-майора Клюки фон Клюгенау ген.-адъютанту Нейдгардту об управлении, введенном Шамилем на подвластной ему территории, 22 марта 1843 г. отмечается: «Шамиль желал иметь постоянно в готовности к действию часть горцев, учредил муртазек или муртазикатов, как они называются жителями Нагорного Дагестана.

Цель учреждения муртазикатов довольно прямая и косвенная. Прямая цель – привязать к себе некоторое число горцев, которые всегда были бы готовы жертвовать своею жизнью. Косвенная цель – наблюдение в деревнях, не заслуживающих еще полного доверия, за исполнением правил шариата и постоянная готовность к действиям по первому требованию Шамиля. Все это некоторым образом постоянное войско набирается из каждых десяти семейств один всадник. Муртазикаты получали прежде жалование по полтора руб. серебром в месяц. В настоящее же время они денежное содержание не получают, а жители должны им давать хлеб, баранов, продовольствовать их лошадей, обрабатывать их поля и снимать посевы.

Таким образом, муртазикаты имеют хорошее довольствие, и требования их в деревнях бывают громадны, а сверх того освобождены от домашних работ. Но более не может согласоваться с азиатскою ленью и Шамиль подобною мерою, можно сказать, достигает прямой цели учреждения муртазикатов.

Он имеет между ними весьма много приверженцев, которые действительно готовы жертвовать за него жизнью во всякое время.

Муртазикаты участвуют во всех делах, и там, где они будут находиться, то дело непременно будет упорным.

Муртазикаты разделяются на десятки и пятисотни. Каждая из этих частей имеет своего начальника» (Рапорт ген.-м. Клюки фон Клюгенау ген.-адъют. Нейдгарту об управлении, введенном Шамилем на подвластной ему территории. 22 марта 1843 г. С. 382).

О муртазеках писал известный герой Кавказской войны генерал Пассек Д.В. В своих «Записках» он так подчеркивает следующие должностные функции муртазек, их главные задачи: «Наместники и наибы действуют на народ через кадиев деревень и муртазигатов. Муртазигатами называются избранные из мюридов самые ревностные фанатики. Муртазигаты содержатся за счет деревень и составляют постоянных служителей Шамиля, обрекших жизнь свою в жертву для утверждения шариата. Муртазигаты составляют тайную полицию, опричников Шамиля. Они наблюдают за строгим исполнением его приказаний, за верностью жителей, за малейшее подозрение штрафуют... Чтобы не было лицепрятия, то муртазигаты одного общества помещаются в аулы другого, и при том они по большей части люди бедные и незначительные» (Пассек Д.В., 2000. С. 378). Поэтому можно сделать вывод о том, что многие русские исследователи, в том числе генерал Д.В. Пассек, Н.Ф. Дубровин, А. Юров, считают институт муртазек одной из важных частей постоянной шамилевской армии, ядром ее профессиональной составляющей.

К.И. Прушановский в своей работе под названием «Выписка из путевого журнала Генерального штаба штаб-капитана Прушановского» писал: «сам же Шамиль имеет при себе выборную охранную стражу; составляющие ее люди называются муртазигаторами; они избираются из людей, известных по испытанной преданности к Шамилю и по твердому верованию в святость учения тариката. Кроме того, муртазигаторы бывают большей частью холостые, с выбором их в эту охранную стражу они отказываются некоторым образом от своих семейств, обязываются следовать учению имама, исполнять постановления шариата и слепо повиноваться Шамилю.

Число муртазигаторов в точности неизвестно, но примерно можно положить от 600 до 900 человек. Они разделяются на десятки, сотни и имеют сотенных, трехсотенных и пятисотенных командиров» (Период владычества Шамиля. 1902. С.59) Автор сочинения, описывая форму содержания (оплаты за службу) муртазек, цели и задачи, возложенные на них Шамилем и наибами, дает также характеристику их боевых качеств. Далее Прушановский отмечал: «Во время войны они и составляют самую лучшую и надежную часть сборищ горцев, дерутся с отчаянной решимостью, соблюдают отличную подчиненность и носят значки Шамиля, наместника или наиба. Малое число их опаснее, чем целое скопище прочих горцев; при первой удачной атаке последние часто разбегаются, между тем муртазигаторы, предоставленные сами себе, избирают крепкую позицию и держатся в ней до последней крайности» (Период владычества Шамиля. 1902. С. 59).

Все авторы, писавшие о муртазеках, однозначно подтверждают главную мысль о том, что создание отрядов было началом создания или формирования постоянной профессиональной армии, которая должна была выполнять армейские, полицейские, пограничные и таможенные функции в государстве народов, борющихся за национальную независимость. Прушановский так же, как и Неверовский, первый изучивший функционирование службы муртазек, расценил формирование «дружины» муртазек как начало создания постоянной профессиональной армии.

Анализ опубликованных исторических сочинений русских, дагестанских, зарубежных авторов, архивных документов рукописного фонда ИИАЭ ДНЦ РАН и полевых материалов автора, собранных в Дагестане и Чечне, позволяет установить, что функции института муртазек были многообразны. Они «участвовали во всех делах» (Рапорт ген.-м. Клюки фон Клюгенау ген.-адъют. Нейдгарту об управлении, введенном Шамилем на подвластной ему территории. 22 марта 1843 г. С. 382).

1. Институт муртазек составлял отборную, постоянно действующую войсковую единицу в военно-политической структуре государства Шамиля. Они также являлись передовой частью конницы Шамиля.

2. Главная функция их как гвардейских частей заключалась в отражении атак наступающих войск противника, а также в осуществлении наступательных военных операций на территории противника, уничтожении их боевой силы и коммуникаций.

3. В необходимых случаях (когда разворачивались крупные сражения с противником с участием народного ополчения) муртазеки командовали ополчением отдельных сел, джамаатов, сельских общин и целых наибств. Ополчение делилось на десятки, сотни, пятисотни, во главе которых становились муртазеки. Они

представляли собой командный состав для низовых воинских формирований отрядов ополчения каждого села, общины.

4. Муртазеки осуществляли охрану границ (функции пограничных войск) и территории Имамата, важных укреплений и постов. Они обеспечивали охрану столицы государства Имамат, резиденции имама в Дарго, потом в Ведено. Муртазеки осуществляли его личную охрану, а также охрану семьи имама Шамиля. Муртазеки по границам Имамата и в важнейших торговых точках внутри страны осуществляли функции таможенников.

Муртазеки выполняли также функции службы охраны и обеспечения безопасности Шамиля. Так, к примеру, муртазеки-дагестанцы охраняли Шамиля как главу государства, когда он перемещался по территории Чечни, чеченские муртазеки охраняли Шамиля и его семейство, когда он совершал походы по аулам Дагестана. Муртазеки выполняли функции по охране главы государства, видных деятелей, наибов, членов Государственного Совета, выполняя одновременно военные и политические функции. В отдельных случаях охрану главы государства и его резиденции в Ведено осуществляли совместно дагестанские и чеченские муртазеки (Полевой материал. Инф. Ахтаев Жунид., 1926 г.р., с. Гушкерт Шатоевского района Чеченской Республики).

5. Муртазеки обеспечивали порядок и дисциплину среди населения в местах проживания (в селах, аулах, сельских общинах каждой отдельной территории) и целого наибства. В масштабах всего государства они выполняли полицейские функции.

Для того чтобы получить более полную информацию о муртазеках, определить их место в составе войска Имамата, обратимся к словам самого имама Шамиля. Объясняя А. Руновскому в Калуге место и значение муртазек в военной структуре его государства, он говорил, что муртазек «называется в Дагестане каждый воин не мюрид». Шамиль также указывал на различия в функциях дагестанских муртазек и обязанностях, выполнявшихся чеченскими муртазеками. Это отличие хорошо видно в работах таких дагестанских исследователей, как Мухаммад Тахир ал-Карахи, «Блеск дагестанских сабель в некоторых Шамилевских битвах», Гасанилава Гимринского «Имам Газимухаммад», Абдурахмана Казикумухского «Книга воспоминаний», Хайдарбека Гиничутлинского «Историко-биографические и исторические очерки», Гаджи-Али Чохского «Сказание очевидца о Шамиле», Гасан-Эфенди Алкадари «Асари Дагестан», опубликованных в печати, а также в неопубликованных арабоязычных документах, хранящихся в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. Об этом же свидетельствуют многочисленные арабоязычные источники, хранящиеся в частных коллекциях жителей Дагестана и Чеченской Республики.

Для того чтобы провести дальнейшее описание института муртазек, Неверовский, как видно из его рапорта, расценивал формирование дружины как начало создания «постоянного войска» (Рапорт ген.-м. Клюки фон Клюгенау ген.-адъют. Нейдгарту об управлении, введенном Шамилем на подвластной ему территории. 22 марта 1843 г. С. 382). Большой интерес для нас представляют отдельные выдержки из сочинения известного кавказоведа Н.И. Покровского, который отмечал, что появление отрядов муртазек могло послужить началом военной реформы, связанной с организацией в государстве Шамиля постоянной армии (*Покровский Н.И.*, 2000. С. 377). При изучении института муртазек очень важно мнение человека, составившего свое сочинение со слов самого Шамиля, – А. Руновского. В беседе с Шамилем о муртазеках он отмечал: «Чеченские муртазеки (кордонная стража) в прежнее, дошамилевское время, получали за свою службу по 1-му р. и 10-ти мер хлеба с каждых 10-ти домов на человека. Это было установлено самими жителями. С началом в Чечне постоянной войны Шамиль изменил эту плату, подобно тому, как изменил ее в отношении дебиров. С этих пор муртазеки стали получать по 1-му р. и 8-ми мер хлеба с каждых 20-ти домов» (Дневник пол. А.Руновского. 1866. С. 1477).

Муртазеки подбирались в каждом ауле, селении, исходя из возможностей общины, численности хозяйств, количества членов семей по поручению наибов Шамиля их помощниками (мазунами) вместе с джамаатом с учетом мнения всей общины. Как правило, муртазеками становились или назначались молодые люди от 15 до 30 лет, крепкого телосложения, достаточно хорошо владеющие огнестрельным и холодным оружием, имеющие высокие навыки джигитовки, получившие определенное образование у местных мулл и кадиев, благовоспитанные, пользующиеся уважением в семье, общине.

В то время абсолютное большинство горцев с детства учились носить оружие, управлять лошадью, вести хозяйство и трудиться на поле, переносить всякие невзгоды и трудности суровой горской жизни. Муртазеками становились, как правило, выходцы из рядовых семей дагестанцев и чеченцев, а также представители зажиточных семей, преданных имаму Шамилю и его сподвижникам. В период имаматства Шамиля в Дагестане и Чечне в народе считали, что муртазек – это самый ловкий, отчаянный храбрец, лучший стрелок, первый наездник, отличный пловец и борец, верный друг и преданный защитник имама и его государства. Очевидцы восхищались верховой ездой горцев, особенно муртазек, меткой стрельбой из разных положений и видов оружия, владением кинжалом и саблей. В исторической литературе, в народной памяти, в дагестанском фольклоре часто встречается высокая оценка воинского и человеческого мастерства муртазек, всех молодых горцев. Знаток военной истории, генерал Дубровин писал: «Каждый оборванный горец, сложив руки накрест или взявшись за рукоять кинжала, или опершись на ружье, стоял так гордо, будто был властелином вселенной. Движения горца ловки и быстры, походка решительная и твердая, во всем видна гордость и сознание собственного достоинства» (Дубровин Н., 1871. С.544–545) Подчеркивая величайшее мастерство горцев в джигитовке, тот же автор отмечал: «Джигит, бросив поводья лошади, на всем скаку становится вертикально на голову, проскакав так довольно долго и выстрелив несколько раз из ружья, отлично и ловко перевернувшись, сидит уже на своем азиатском седле» (Дубровин Н., 1871. С. 544–545). Другой очевидец, участник Кавказской войны отмечал, что горцы на скаку «заряжали ружья, стреляли в цель с необычайным проворством и меткостью, мчась во весь опор, поднимали с земли монеты или спрыгивали с коней и вскакивали обратно» (Рассказ пленного тушинца // Кавказ. 1846. № 35). О том, каким был уровень подготовки муртазек в горах Дагестана и Чечни, свидетельствуют показания еще одного известного русского исследователя Кавказа XIX века Евгения Маркова. В своей работе «Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории», изданной в 1887 г., он писал: «В пять лет у них ребенок уже на коне, в 12 лет он уже ловкий джигит. Что может сделать лезгин в битве, в походе – представить себе трудно. Бесконечные кавказские войны доказали это лучше всего.

Взять приступом не только аул, а одну башню в ауле – нам всегда стоило множества жизней. Против горстки дагестанских храбрецов всегда нужна бывала рота, батальон, пушки... Биться русскому солдату один на один с этим ловким, проворным, смелым и сильным зверем, изошренным с раннего детства в борьбе, нападении, защите, – было все равно, что быку схватиться с тигром. Храбрость лезгин не знает пределов. Это львы по природе» (Марков Е., 1887. С. 656). Муртазеки имама Шамиля показывали немыслимые чудеса храбрости, они смело шли в бой против в десятки раз превосходящих по численности царских войск и чаще всего побеждали их или обращали в бегство. Занятую позицию в горах они не уступали врагу до гибели последнего бойца, они никогда не показывали врагу спину, не уходили с поля боя без приказа, никогда не сдавались противнику. Они всегда предпочитали смерть, чем попасть в плен к врагу. В источниках нам не удалось обнаружить факты измены, сдачи в плен, проявления малодушия и трусости со стороны хотя бы одного муртазека. Они вели себя в бою всегда достойно и в армии Шамиля смотрелись, как настоящие львы. Евгений Марков далее писал: «Вообще я видел здесь воочию множество боевых героев и храбрецов лезгин. Когда смотришь в одно время на лезгина и на нашего брата вахлака – русского, то русский производит впечатление неуклюжего травоядного животного рядом со статным и смелым хищником. У лезгин пестрота наряда, как у какой-нибудь пантеры или барса, грация и гибкость ее движений ее страшная сила, воплощенная в изящные стальные формы... Это поистине, зверь, отлично оснащенный всем боевым оружием, острыми когтями, могучими зубами, прыгающий, как резина, как резина, увертливый, уносящийся с быстротою молнии, с быстротою молнии настигающий и разящий, мгновенно загорающийся такою злобою и гневом, какими никогда не в силах одушевиться травоядный вол» (Марков Е., 1887. С.656–657).

Муртазеки владели всеми секретами воинского мастерства благодаря тому, что раньше во всех аулах и селах горного Дагестана и Чечни существовали школы, где обучались не только грамоте и наукам, но также превосходно обучали военному и физическому мастерству всех детей от 8 до 11 лет. В Дагестане и Чечне крайне редко можно было встретить горца, не владеющего хорошо кинжалом и саблей, не умеющего метко стрелять из ружья и в конечном итоге защитить себя, свою семью и землю.

В исторической литературе встречается немало утверждений на русском языке, что якобы Шамиль отдавал предпочтение при формировании отрядов муртазек холостым молодым людям,

если же муртазек успел обзавестись семьей, то он, начав службу, должен был забыть о своих близких (*Прушановский К.И.*, 1902).

В сочинениях есть много разных расхождений о количестве муртазек, о характере выполняемых ими военно-политических, полицейских, пограничных функций. Возможно, это связано с неодинаковым количеством набора в разные годы и потерями в военных операциях. Так, к примеру, в сражении в Ахульго в 1839 г. участвовало около 500 мюридов-муртазек, большинство из которых погибли в бою. Можно привести десятки примеров участия муртазек в кровопролитных сражениях в Гимры, Гочатле, Хунзахе, Аргвани, в разгроме войск под командованием П.Х. Граббе в чеченских лесах в 1842 г., в Гергебиле и Салта в 1847 году, в Даргинской экспедиции под командованием Воронцова в 1845 г. и многих других, когда малочисленные отряды муртазек противостояли батальонам и полкам царских войск. Поэтому считаем необходимым дать полностью мнение самого Шамиля по этому вопросу, отраженное в «Дневнике А.Руновского».

А. Руновский писал: «В заключение Шамиль разъяснил мне значение слова «муртазегет», которое, как мне показалось, употребляется у нас не совсем правильно. Так, например, в одном из сочинений о Кавказе говорится, что Шамиль имел при себе постоянную стражу муртазек, составлявшуюся из людей, известных ему своею преданностью, и преимущественно холостых. Число муртазек простиралось до 600 чел.».

Шамиль говорил, что в этих словах заключается четыре ошибки: во-первых, из людей, составляющих собственно его стражу (120 мюридов и 12 десятников), он в действительности знал многих, но только в лицо, а не по характеру, он даже не знал некоторых по имени. Во-вторых, почетную стражу составляли мюриды, значение которых объяснено выше, а муртазек называется в Дагестане каждый воин, не мюрид. В Чечне же это имя носили люди, посвятившие себя собственно кордонной службе и занимавшие караулы по всей границе немирной Чечни пикетами, а также у ворот и на вышках селений; за ту службу они получали от своих обществ особую плату, о которой будет сказано в статьях о низамах. В-третьих, Шамиль почти не знал о холостых горцах, которым было бы более семнадцати лет. Известно, что он считал безбрачие развратом или по меньшей мере поводом к нему; и потому принимал все меры к устройству возможно большего числа браков, – он тем не менее мог терпеть холостых людей возле себя. Если же и были при нем мюриды бессемейные, то это не потому, что они были холостые, а от того, что были настолько зажиточны, что могли содержать семейства и в свое отсутствие. Наконец, в четвертых, цифру 600 Шамиль никак не признает верною, потому что ни сам он, и никто другой из людей, стоявших во главе управления, не имели по этому предмету положительных сведений. Приблизительным же образом определяет число мюридов «наибских» сын Шамиля Гази-Магомет, основывая свою догадку на распоряжении Шамиля, по которому наибы (числом от 40–50-ти) не должны были иметь более 20-ти мюридов, и то по мере действительной надобности; и принимая в соображение, что у него самого, по званию мудира, было только 20 мюридов, а у многих наивов не более пяти, – он думает, что число всех мюридов не превышало четырехсот. В числе их находились и мюриды тариката. Что касается численности последних, не принимавших участие в Газавате, то их было слишком много для того, чтобы иметь возможность их сосчитать» (*Дневник полк. Руновского, состоящего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге с 1859 по 1862. С.1477*).

ЛИТЕРАТУРА

Арабоязычные документы эпохи Шамиля // Составление и перевод с арабского, введение, комментарии, примечание и указатели Р.Ш. Шарафутдиновой. М.: Восточная литература, 2001. – 262 с.

Бахауддин Хури. Ахульго. Махачкала, 1996. – 40 с.

Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа по пути к цивилизации. М., 2004. – 877 с.

Выписка из путевого журнала генерального штаба штабс-капитана Прушановского // Кавказский сборник. XXIII. Тифлис, 1902. С. 59. – 329 с.

Гаджиев В.Г. Военная организация и воинские знаки отличия в государстве Шамиля // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974. – 225 с.

Гаммер М. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. – 512 с.

- Дневник полк. Руновского // Акты, собранные кавказской археографической комиссией (далее АКАК). Тифлис, 1866. Т. XII. – 1558.
- Дневник полк. Руновского, состоящего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге с 1859 по 1862 // АКАК. Тифлис, 1875. Т. VIII. Ч. X. – 1477 с.
- Дневник полк. Руновского, состоящего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге с 1859 по 1862 // АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. Отчет. Ч. I. – 1558 с.
- Доного Х.М.* Победит тот, кто владеет Кавказом. Миниатюры Кавказской войны 1817–1864. М., 2005. – 384 с.
- Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества на Кавказе. Т. I. Кн. 1. СПб., 1871. – 472 с.
- Дубровин Н.Ф.* Кавказская война в царствовании императора Николая I и Александра II (1825–1864 гг.) СПб., 1896. – 208 с.
- Зиссерман А.* Двадцать пять лет на Кавказе (11842–1867). СПб. Ч. I. – 424 с.
- Из показания прапорщика Орбелиани, находившегося в 1842 году в плену у Шамиля, о системе управления в Имамате. // Движение горцев Северо-Восточного Кавказа. – 785 с.
- Карта горских народов подвластных Шамилю // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. VI. С. 3–4.
- Магомедов Р.М.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1991. – 132 с.
- Макаров Т.* Шамиль, военный и гражданский правитель // Кавказ, 1859. №94. С. 285–286.
- Марков Е.* Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. С.-Петербург–М., 1887. – 656 с.
- Окольничий Н.А.* Перечень последних военных событий в Дагестане // ВС. 1859. Т. V.
- Отношение борона Розена к гр. Чернышеву от 5 октября 1836. № 1098 // Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Т. VIII. – 607 с.
- Пассек Д.В.* Горы и Чечня. Цит. по: Покровский Н.И. Кавказские войны имама Шамиля. М., 2000. С. 378.
- Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. – 535 с.
- Прушановский К.И.* Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского // КС. Тифлис, 1902. Т. 23. – 324 с.
- Рамазанов А.Х.* Военное искусство Шамиля. Махачкала, 1999. 97 с.
- Рамазанов Х.Х.* Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004. 276 с.
- Рапорт Ген.-М. Клюки фон Клюгенау ген.-адъют. Нейдгарту об управлении, введенном Шамилем на подвластной ему территории // ДГСВК. С. 381–382.
- Рассказ пленного тушинца // Кавказ. 1846. № 35. С. 56.
- Ржевуский А.* 1845 г. на Кавказе // КС. Тифлис, 1882. Т. VI. С. 228.
- Сто писем Шамиля // Введение, тексты, перевод с арабского, комментарии, приложение и указатели Х.А. Омарова. Махачкала, ДНЦ РАН. 1997. С. 46–47.
- Хожаев Д.* Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный, 1998. – 408 с.
- Юров А.* Три года на Кавказе (1837–1839) // Кавказский Сборник. Тифлис. Т. VI. – 727 с.

